

Культурно-историческая психотерапия: В поиске своей ниши

И.В. Латыпов

28. // « », 2012, 3, с. 20-
<http://www.psyanima.ru/journal/2012/3/2012n3a1/2012n3a1.2.1.pdf>

Ключевые слова:

Размышляя о культурно-исторической психотерапии, мы неизбежно обращаемся к более широкому кругу вопросов: что такое психотерапия, каковы ее цели и методы. Разумеется, в рамках данной статьи подробно осветить этот вопрос не представляется возможным, но кратко на нем остановится все же необходимо.

В отечественной традиции принято считать психотерапию отраслью медицины, и подчеркивается ее медицинский аспект, что хорошо видно по Приказу Министерства здравоохранения РФ от 16 сентября 2003 года № 438 «О психотерапевтической помощи», согласно которому психотерапией может заниматься только врач-психотерапевт, прошедший специальную подготовку. Однако для «западной» традиции более характерно отношение к психотерапии как к немедикаментозному воздействию на человеческую психику (медикаментозное оставляется за психиатрами), в первую очередь – словом (Паттерсон, Уоткинс, 2003).

Своего рода компромиссом является следующее определение: «психотерапия – комплексное лечебное вербальное и невербальное воздействие на эмоции, суждения, самосознание человека при многих психических, нервных и психосоматических расстройствах» (Петровский, Ярошевский, 1999). Там же подчеркивается, что «в индивидуальной психотерапии решающим фактором эффективности лечебных воздействий является психотерапевтический контакт врача и больного, основанный на взаимном уважении и доверии, способности врача к сопереживанию» (с.305). Несмотря на использование таких слов, как «врач» и «больной», подчеркивается важность в первую очередь контакта двух человек как определяющего для процесса психотерапии, а не медикаментозного или одностороннего субъект-объектного воздействия. Два подхода к пониманию психотерапии отмечает и Б.Карвасарский (2012).

В данной статье мы опираемся на наше представление о психотерапии как немедикаментозном процессе взаимодействия психотерапевта и клиента, направленном на изменение способов отношений человека с окружающим миром (включающего в себя, в первую очередь, других людей), а также отношения человека с самим собой. Изменение

этих способов требуется, если нарушается способность к адаптации к существующему жизненному миру и отсутствует возможность совладания со стрессовыми ситуациями, а новых стратегий человек не знает или не умеет их применять. Содержание адаптации будет варьироваться в зависимости от социокультурного окружения: то, что поощряется в одной культуре, в другой может быть одним из факторов, способствующих дезадаптации. Например, поощряемые в западной культуре индивидуализм и автономность от социального окружения в культурах «коллективистского круга» (напр., исламская или китайская) могут стать причиной отвержения и изоляции, причиняя, таким образом, страдания (Триандис, 2007; Мацумото 2002). Каждая культура вырабатывает свои орудия по овладению психическими процессами и поведению.

Поэтому идеи культурно-исторической психологии представляются перспективными для психотерапии. Но при прочтении статьи «Культурно-историческая психотерапия» возникает ряд вопросов, на которые необходимо ответить, чтобы получить более ясное представление о культурно-исторической психотерапии, ее специфике и месте среди психотерапевтических практик. Вопросы следующие:

1. Возможно ли создание универсальной, надкультурной психотерапии, или же в рамках каждой культуры должна существовать своя психотерапевтическая практика?
2. Какова концепция человека и его психологического здоровья (нормы и патологии) в культурно-исторической психотерапии?
3. Каковы методы и средства достижения терапевтических целей у культурно-исторической психотерапии?
4. Какую роль в психотерапевтическом процессе играет сам терапевт?

Остановимся на этих вопросах подробнее. Все они очень тесно связаны друг с другом и касаются различных аспектов психотерапевтического процесса (в первую очередь – методологии).

Возможно ли создание универсальной психотерапии, или же в рамках каждой культуры должна существовать своя психотерапевтическая практика? Являются ли принципы, например, экзистенциально-гуманистической психологии или когнитивной психотерапии А.Бека культурно-универсальными, или же их методологию и методы возможно применять только в рамках западной культуры и, с оговорками, в тех культурах, которые подверглись сильной европеизации? Психические процессы у людей (память, мышление, внимание) в основе своей идентичны по своим механизмам, но способы произвольного овладения ими могут быть разными. Сможет ли экзистенциальный психотерапевт, с идеями о личной ответственности и необходимости осознанного выбора, работать с человеком, выросшим в культуре, где принято делегировать ответственность – например, семейному клану, духам, судьбе, Богу и так далее? С экзистенциальными данностями жизни (Дорцен, 2007; Ялом, 1999) сталкиваются практически все люди вне зависимости от культуры, но насколько универсальны идеи психологов-экзистенциалистов, размышляющих о том, как отвечать на вызовы, с которыми встречаются люди?

Дж.Хейли, известный американский психотерапевт, ученик М.Эриксона, приводит такой любопытный пример того, как другая, не присущая «западной» американской культуре, концепция души, применяется для самой настоящей психотерапии. «Я люблю описывать студентам работу пуэрториканского целителя в Нью-Йорке, который излечивает неверность. Однажды муж привел к нему свою неверную жену и сказал, что не хочет убивать ее (это была пуэрториканская пара, и муж, следуя правилу, существующему в его роду, должен был расправиться с женой, - И.Л.). Он спросил целителя, нельзя ли сделать еще что-нибудь. Целитель внимательно обследовал жену и сделал вывод, что изменяла не она, за измену ответственен дух предыдущей жены (это не так уж сильно отличается от высказываний об иной личности или о бессознательном побуждении,

основанном на детских впечатлениях от сексуальных домогательств). Однако пуэрториканский целитель предложил не только теорию, но и решение. Он обязал пару совершить поездку в определенный город в Новой Англии, долгое путешествие на автобусе. Они должны были пройти еще милю пешком, подойти к определенному дереву и перед ним совершить обряд, которому он их научил. Обряд состоял в изгнании духа предыдущей жены. Затем пара должна была повторить долгое путешествие обратно в город. Выполнение этого обряда для обоих супругов, очевидно, было епитимьей и терапией, и избавило эту пару от проблемы» (Хейли, 2002; с.82).

Если мы исходим из идеи культурно-специфической психотерапии (исходящей из «местных особенностей»), то нужна ли вообще психотерапия как некое самостоятельное явление? Как видно из приведенного выше примера, с психологическими проблемами вполне успешно может справиться традиционный целитель. В других культурах его место занимает шаман, колдун, жрец, гуру, священник. Если психолог, опирающийся на идеи культурно-исторической психологии, использует принятые в соответствующей культуре орудия управления психическими процессами (талисманы, мантры, ритуалы и т.д.), то он по факту превращается в аналог шамана или целителя. Если использует другие орудия, но в рамках того же мифологического или религиозного сознания, то он по-прежнему не будет выбиваться из привычного ассоциативного ряда колдун-знахарь-шаман-маг-психолог.

Бурное развитие психотерапии на Западе и в России можно объяснить тем, что традиционные способы совладания со стрессами и проблемами исчезли или исчезают вместе с этими традиционными культурами под напором процессов глобализации и интеграции, и на смену (или в дополнение) религии и традиции приходит психология. На наш взгляд, развитие психотерапии является сигналом о том, что как раз традиционные методы, созданные культурой орудия, уже не в состоянии справляться с требованиями, которые предъявляет современная эпоха, с ее темпом жизни и спецификой существования человека в техносфере. Психолог и психотерапевт тем и отличаются от шаманов, что опираются не на традицию, а на некие универсальные (в их понимании, разумеется) представления о том, каковы корни неврозов и неспособности в целом здорового человека решать те или иные стоящие перед ним проблемы. Они предлагают иной, непривычный для клиента подход к собственному внутреннему миру, и, возможно, именно в этом их преимущество. Приведенный в статье «Культурно-историческая психотерапия» пример с психологической реабилитацией пострадавших в Беслане наглядно показывает, как принятый в осетинской культуре механизм отреагирования горя – 40-дневный и годичный траур – вступил в противоречие с необходимостью скорейшего начала психотерапевтической работы.

Поэтому, на наш взгляд, психотерапия все же должна искать универсальные, общекультурные принципы работы, поиск которых был начат еще в 1950-е годы (Уоттс, 1997). Учет местной специфики важен, но этнокультурные особенности не отменяют того факта, что психика людей функционирует по единым законам. Не может быть, на наш взгляд, культурно-обусловленной рефлексии (как процесса), самосознания человека – того, к развитию чего стремится практически любая психотерапия. Возможен культурно-обусловленный уровень развития рефлексии у конкретных индивидов, но не сам факт наличия рефлексии у человека. В противном случае, например, интроспективный опыт самопознания, накопленный в буддизме, был бы недоступен для человека западной культуры.

Наглядную иллюстрацию дает Э. ван Дорцен (2006). Молодой африканец Габриель приехал в Великобританию учиться. Столкнувшись с серьезными культурными различиями (в том числе и в сфере морали), и, как следствие – с сильными стрессами,

юноша прибег к традиционному средству совладания со стрессом: ежедневные ритуалы очищения, включавшие в себя использование воды.

Однажды он нечаянно спровоцировал потоп в резидент-холле колледжа. Юноша отрицал свою причастность к нему, однако вина была доказана. Рассерженные однокурсники и друзья пытались добиться от Габриеля объяснения своей лжи. Однако он не лгал: с его точки зрения, это предки сделали так, чтобы случился потоп, потому что они не одобряли его новый образ жизни. В результате юноша оказался в изоляции и обратился к психотерапевту-экзистенциалисту. «Габриель рассматривал его как некоторого рода духовный авторитет, как судью, которому он должен все объяснить, и оправдать самого себя. Он был совершенно убежден в том, что все это действительно подстроили предки, чтобы напомнить ему о греховности его желания покинуть собственную культуру... Если бы все это случилось тогда, когда он был еще в Африке, среди своего народа, это вовсе не стало бы проблемой. Там его отец просто приказал бы ему отказаться от этой дружбы и оставаться верным своим собственным ценностям. Он бы послушался и остался в мире и согласии с ситуацией» (с.38). Но юноша дорожил отношениями со своими британскими друзьями, а они становились невозможными в результате отчуждения.

Проблема оказалась культурологической – конфликт двух ценностных систем, одна из которых основана на идее личной ответственности, а другая – на идее делегирования ответственности внешним факторам (предкам). Экзистенциальный психотерапевт в данной ситуации вовсе не обязан был «прививать» Габриэлю идею персональной ответственности. Уважая право юноши на его ценности, терапевт обратился к самой способности юноши совершать выбор (в гештальт-терапии ее относят к «функции Эго») – способности универсальной, не зависящей от культуры, в которой человек родился. Экзистенциальным терапевтом и Габриелем были сопоставлены два способа мышления, и Габриель начал понимать, что «у него и в самом деле был некоторый выбор во всем этом, и что он мог выносить свои собственные суждения (а не основанные на авторитете терапевта, - И.Л.), касающиеся тех аспектов каждой культуры, которые ему нравились или не нравились» (с.39). Юноша смог понять идею консультирования как возможности исследования всех имеющихся у него выборов и продумывания последствий каждого из них. Его выбор состоял в том, чтобы вернуться в родную страну.

В приведенном примере видно, что экзистенциальный терапевт основывался на универсальных, присущих каждому человеку, психических способностях, и как раз в такой ситуации, в которой традиционный, культурно-специфический, способ совладания со стрессом (ритуалы очищения и переадресация ответственности предкам) оказался бессильным.

Следующий существенный вопрос: **какова концепция человека, его личности, нормы и патологии в рамках культурно-исторической психотерапии?** Психотерапевтические направления опираются на определенную философскую и этическую базу, в частности – на образ человека и представления о здоровье/патологии психики человека (см. Паттерсон, Уоткинс, 2003). Если выраженные патологии психики закономерно отдаются на «откуп» психиатрии и клинической психологии, то представления о том, что есть здоровая и невротическая личность, в каждом направлении психотерапии имеют свою специфику. Далеко не всегда эти представления четко постулируются (как это сделал, например, А.Янов, в своем «Первичном крике» посвятивший целую главу изложению представлений о том, что значит быть «нормальным» (Янов, 2009), но они подразумеваются, когда речь идет о нарушениях. Д. Бек так обозначила когнитивную модель здоровья/нездоровья: «когнитивная модель предполагает, что в основе всех психологических нарушений личности лежит искаженное, или дисфункциональное, мышление (которое в свою очередь искажает эмоции и поведение пациента). Реалистическая оценка и изменение такого мышления ведут к

улучшению самочувствия и гармонизации поведения. И так, чтобы добиться устойчивых результатов, необходимо выявить, оценить и изменить дисфункциональные взгляды и убеждения, лежащие в основе любого психологического расстройства» (Бек, 2006, с.19).

Какой образ человека подразумевается в приведенном выше фрагменте? Это человек рациональный, способный к критической переоценке собственных автоматических мыслей и к осознанию своих когнитивных процессов. В гештальт-терапии мы встречаемся с идеей целостной личности, способной творчески приспосабливаться (адаптироваться) к различным условиям внешней среды, а невроз понимается как нарушение способности человека к удовлетворению своих потребностей вследствие конфликта во взаимодействии организма и среды (Перлз, 1996). Соответственно, целью современной гештальт-терапии является «помочь человеку обрести новое, удовлетворяющее его равновесие с окружающей средой – уникальное для данной личности и ситуации – уникальным, подходящим для нее способом» (Лебедева, Иванова, 2007, с.225). Логотерапия В.Франкла опирается на идею воли к смыслу и образ человека как существа, осмысливающего свое бытие, и одним из главных источников невроза является смыслоутрата (Франкл, 2000; Ленгле, 2008). И так далее – направлений в психотерапии очень много, и образов человека – тоже.

Нетрудно заметить, что основных целей в психотерапии, вне зависимости от направления, две: способствовать адаптации человека в обществе (в соответствии с его собственными, а не общественными, запросами) и снизить уровень и количество внутренних конфликтов (гармонизация личности). Различия обнаруживаются в том, каким образом предполагается достичь поставленных целей. И здесь мы обращаемся к культурно-исторической психотерапии: каким мыслится в ее рамках образ человека, его здоровье и патологии, и каким образом предполагается обеспечить достижение основных целей психотерапии? Если культура порождает саму структуру психических процессов, то может получиться так, что «культурно-исторический психотерапевт», работающий с представителями других культур, чья психика была сформирована этой самой культурой, начнет воспроизводить модели поведения, характерные для традиционных методов работы с психикой. То есть не будет опыта **иного** осмысления собственной жизни (пример которого – с Габриэлем – приведен выше), столь важного для подлинного преобразования личности (если таковая цель стоит).

Данный вопрос вплотную смыкается с еще одним: **каковы методы и средства достижения поставленных целей?** Какие формы психотерапии возможно использовать: индивидуальную, групповую, семейную? Какими средствами располагает психотерапевт, чтобы у клиента наметилась динамика изменения его состояния? Каковы методы воздействия или организации взаимодействия клиента и психотерапевта? Вопросы о средствах и методах воздействия более характерны для когнитивно-поведенческой парадигмы, тогда как для экзистенциально-гуманистического направления они во многом лишаются смысла (т.к. главным «средством» выступает личность психотерапевта и его способность присутствовать в контакте с клиентом).

В рамках культурно-исторической психотерапии предлагается использование специальных внешних орудий, помогающих обрести контроль над собственным психическим состоянием. Насколько это корректно? Например, в качестве орудий для снижения тревоги автор статьи «Культурно-историческая психотерапия» предполагает применять (среди других средств) жребий и талисман. Но, на наш взгляд, бросание жребия не может быть психотерапевтической техникой для тревожных людей, неспособных сделать выбор. Бросание жребия подменяет собой совершение психического акта с опорой на осознание потребностей и мотивов, выступая средством снижения экзистенциальной тревоги, но не способствуя изменению установок личности. Напротив, бросание жребия может в конечном итоге усилить тревогу личности, а интериоризация

данного действия не представляется возможной – разве что это «метод тыка», когда выбор осуществляется по случайному принципу. Выбор – это всегда психическое напряжение и усилие, а внешние орудия снимают необходимость такого усилия.

То же самое можно сказать и о талисмани. Талисман как внешнее орудие по изменению человеческой психики является средством снижения интенсивности переживания тревоги и страха, не устраняя причин данных переживаний. По сути, стимулируется психологическая зависимость от внешнего объекта, при этом клиент не овладевает новыми способами совладания со своими состояниями. На наш взгляд, техника использования талисмана возможна в ситуации действительно очень сильного, пограничного переживания тревоги, с которой клиент в принципе справиться не в состоянии, и, как следствие, не способен к психотерапевтическому взаимодействию.

Тревога имеет смысл в контексте того, что происходит с человеком в его мире, в отношениях с семьей, другими людьми. Снижая интенсивность тревоги, мы можем оказать «медвежью услугу», мешая, выражаясь языком гештальт-терапии, из фона выделить фигуру, которая и является фактором, провоцирующим тревогу или другие тяжелые переживания. «Тревога конструктивна. Она делает человека готовым к неожиданностям... Как говорил Гераклит (хотя и по иному поводу), если ты не ожидаешь неожиданного, то ты не познаешь сокровенного. Это и есть тот самый страх и риск, который в каком-то смысле является общим содержанием нашей жизни. А одной из основных задач нашей жизни является интеграция этого страха и риска. И задача психологов заключается в интеграции страха и риска в философии жизни человека – иного пути нет» (Леонтьев, 2003).

Какую установку дает клиенту использование талисмана, и насколько она оправдана? Отчасти на этот вопрос можно ответить, исходя из философии того или иного направления в психотерапии. Представитель когнитивного подхода может отвергнуть талисман как иррациональный способ. С позиций гештальт-терапии использование талисмана – это, скорее, формирование новой зависимости, чем обретение человеком способности осознавать свои переживания и творчески выстраивать отношения с миром.

Наконец, использование внешних инструментов для регуляции эмоциональных состояний не учитывает того факта, что эмоции человека порождаются в тесном взаимодействии со средой, и не существуют вне контекста этой среды, который может быть интериоризирован (феномен поля у К.Левина и в гештальт-терапии). Данный контекст, однако, учитывается в статье «Культурно-историческая психотерапия», когда речь идет о проекте поддержки кризисных семей, воспроизводящем социум в миниатюре (то есть использующий феномен поля).

Размышляя над поставленными вопросами, мы выходим на еще одну проблему: **какую роль в терапевтическом процессе играет психотерапевт и что из себя представляют сами терапевтические отношения?** Проблема делегирования ответственности в психотерапии и психологическом консультировании очень сложна, и, как и другие проблемы, упираются в философские основания (Майленова, 2002). И.Вачков и С.Дерябо (2004, 2010) выделяют четыре парадигмы работы психолога-тренера, которые присутствуют и в работе психолога-консультанта и психотерапевта. Парадигмы были выделены с опорой на три «переменные»: тренер (психолог), клиент и характер взаимодействия между ними. Это парадигмы дрессуры (характерная для поведенческой терапии), репетиторства (когнитивная психотерапия), наставничества (гуманистическая психотерапия) и развития субъектности (экзистенциальный подход к психотерапии). Все они обладают своими достоинствами и недостатками, и подходят к людям с различными типами психической организации и жизненной историей.

В приведенном в «Культурно-исторической психотерапии» примере использования талисмана психотерапевт выступает в роли репетитора, и это четко определяет

неравноценность позиций клиента и психотерапевта. Последний – это тот, кто обладает целым арсеналом различных психических орудий, и он обучает клиента пользоваться ими. Это понятная и ясная позиция. Формируется определенный психотерапевтический альянс, в котором распределены роли, существуют конкретные ожидания от процесса взаимодействия. Данная родительско-репетиторская позиция прослеживается и в примерах с ролями клиента в процессе арт-терапии, и, таким образом, сближает культурно-историческую психотерапию с когнитивными и бихевиоральными подходами.

Однако, на наш взгляд, если терапевт занимает указанную позицию, то переход на субъект-субъектное взаимодействие, общение на равных со взрослым клиентом становится очень затруднительным. Ответственность перераспределяется в сторону терапевта, а клиент, находящийся в исполнительской и учебной позиции, по факту инфантилизируется. Подчеркнем – речь идет о работе со взрослыми, находящимися при этом на невротическом уровне организации личности (по Мак-Вильямс, 2011), а не с детьми, или со взрослыми на пограничном или психотическом уровне, где данное перераспределение ответственности может быть закономерно и оправданно. Возникает конфликт ролевых позиций – клиент, адаптировавшийся к одной роли (ученика), вынужден за короткое время «расти» до роли партнера в диалоге. Это сложно сделать: приходится заново «переформатировать» отношения, отказываться от экспертной позиции (при том, что клиент привык к такой роли терапевта) и побуждать клиента к изменению своей. Поэтому «закономерное варьирование терапевтических отношений (терапевта и клиента) в зависимости от задач и этапа психотерапии», как предлагается в обсуждаемой статье, нам представляется маловероятным, и неслучайно в большинстве психотерапевтических направлений предпочитают не варьировать эти роли, а последовательно придерживаться одной.

В конечном итоге, что первично: личность психотерапевта и клиента, или же техники, используемые терапевтом, и уровень восприимчивости к ним клиента? И снова невозможно четко ответить на этот вопрос, если нет понимания того, на каких философских основаниях стоит психотерапия. Если мы говорим о приоритете личности (позиция, характерная для современных экзистенциально-гуманистических подходов к психотерапии), то тот технический арсенал орудий-средств, которым обладает терапевт, становится второстепенным. Психотерапевт – не тот, кто, применяя арсенал средств (материального или нематериального характера), формирует/изменяет психику другого человека, а тот, в присутствии и при помощи которого человек сам познает свою внутреннюю реальность, специфику своего взаимодействия с другими людьми и с собой самим.

Заключение

Идея о создании культурно-исторической психотерапии, безусловно, интересна, имеет практическую значимость и может быть воплощена в жизнь. Однако на пути ее реализации стоит еще много методологических проблем, некоторые из которых были озвучены в данной статье.

Образ культурно-исторической психотерапии, представленный в одноименной статье, является скорее наброском, чем целостной системой. Не ясны философские основания данной психотерапии (образ человека, представления о здоровье и неврозе), а технический арсенал, представленный в статье, представляет собой в первую очередь компиляцию техник из различных психотерапевтических направлений. Некоторые из техник (использование талисманов или жребия) являются очень спорными.

Можно от титя

взаимоотношений терапевта и клиента (в ситуации индивидуальной и групповой терапии). Позиция терапевта, как следует из обсуждаемой статьи, ближе всего к ролевой позиции репетитора, и здесь можно согласиться с идеей, что «культурно-исторический подход особенно ограничен для детской психотерапии», что отражено и в тексте, который больше всего места уделяет психотерапии детей, с весьма наглядными примерами из практики.

В целом можно сказать, что применение идей культурно-исторической психологии в психотерапии имеет большой потенциал, но очень важно подчеркивать, что принципиально нового может принести культурно-историческая психотерапия в практику психологической помощи людям по сравнению с другими направлениями. Именно в этой новизне и заключается главный шанс для нее.

Литература:

1. Абабков В.А., Карвасарский Б.Д. (2012) Психотерапия. СПб.: «Питер», 2012. – 672 с.
2. Бек Д. (2006) Когнитивная терапия: полное руководство. М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. – 400 с.
3. Вачков И.В., Дерябо С.Д. (2004) Окна в мир тренинга. Методологические основы субъектного подхода к групповой работе. СПб.: Речь, 2004. – 272 с.
4. Вачков И.В. (2010) Психологический тренинг: методология и методика проведения. М.: Эксмо, 2010. – 560 с.
5. Дорцен, Э. ван. (2007) Практическое экзистенциальное консультирование и психотерапия. Ростов-на-Дону: Ассоциация экзистенциального консультирования, 2007. – 216 с.
6. Петровский А.В., Ярошевский М.Г., ред. (1999) Краткий психологический словарь. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. – 512 с.
7. Лебедева Н., Иванова Е. (2007) Путешествие в гештальт: теория и практика. СПб.: Речь, 2007. – 550 с.
8. Леонтьев Д.А. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться //Московский психотерапевтический журнал, №2, 2003. – с. 107-119.
9. Лэнгле А. (2008) Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия. М.: Генезис, 2008. – 128 с.
10. Майленова Ф. (2002) Выбор и ответственность в психологическом консультировании. М.: КСП+, 2002. – 416 с.
11. Мак-Вильямс Н. (2011) Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе
12. Мацумото Д. (2002) Психология и культура: современные исследования. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. – 416 с.
13. Паттерсон С., Уоткинс Э. (2003) Теории психотерапии. СПб.: Питер, 2003. – 544 с.
14. Перлз Ф. (1996) Гештальт-подход. Свидетель терапии. М.: Либрис, 1996.
15. Триандис Г. (2007) Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. – 384 с.
16. Хейли Дж. (2002) Что такое психотерапия. СПб.: Питер, 2002. – 224 с.
17. Уоттс А. (1997) Психотерапия. Восток и Запад. М.: «Весь мир», 1997. – 240 с.
18. Франкл В. (2000) Психотерапия на практике. СПб.: Речь, 2000. – 256 с.
19. Ялом И. (1999) Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999. – 576 с.
20. Янов А. (2009) Первичный крик. М.: АСТ, 2009. – 606 с.

Поступила в редакцию: 03.11.2012 г.

Сведения об авторе

Латыпов И.В. – кандидат психологических наук, доцент каф. психологии ДВГГУ (г. Хабаровск)

Е-mail: latypovs@yandex.ru